

Неугомонной Лауре
Светозарной Персии

Трасса извилистой лентой пересекала степь и бежала среди холмов и впадин. Она поднималась по склонам вверх или спускалась вниз, и линия горизонта кренилась то в одну, то в другую сторону, а потом вдруг на многие километры застывала в одном положении, словно паря в воздухе. Ближе к Кордильерам материк выгибал хребет, как тигр перед прыжком, а ближе к океану огромное плато изо всех сил пыталось соединиться с небом. Ветер, прилетая с ледников, нервно и ласково теребил траву на пастбищах, будто ему вздумалось растрепать их зеленую шевелюру. А когда его порывы сталкивались с теми, что неслись с океана, огромные песчаные спирали начинали неспешно сверлить воздух.

Грузовик, забравшись в такую даль, становился частью пейзажа и двигался вперед, раскачиваясь и подчиняясь ритму, прораставшему из самых недр планеты. Мягкие изгибы рельефа заставляли машину вести себя с бережливой осторожностью, какая отличает ленивых змей, поэтому ход грузовика иной раз напоминал скольжение или даже течение по наклонной плоскости.

Паркер сидел за рулем, не отрывая глаз от дороги и почти не моргая, при этом одну руку он положил на спинку соседнего кресла, как если бы обнимал невидимого спутника. Долгие часы одиночества, а также неспешная и безостановочная езда погружали его в гипнотический транс, поэтому он ни о чем не думал и позволял таким вот дорожным качелям убаюкивать себя. Со всех сторон, куда ни глянь, не было ничего, кроме огромной пустыни, которая где-то там, неизвестно где, граничила с остальной планетой, а здесь, посреди безлюдья и безмерности, подчинялась лишь собственным законам и прихотям.

Паркер возил фрукты по заказу некоей весьма подозрительной транспортной фирмы — забирал их на плодородных долинах и доставлял в далекие порты Атлантического океана, где завершались последние морские маршруты Южного полушария, ведущие на восток. Там корабли под флагами далеких стран, которых вроде бы давно уже и нет на свете, разгружали дешевые товары и отправлялись в обратный путь, набив трюмы фруктами и замороженным мясом. Паркеру приходилось долгими часами, а то и днями напролет сидеть за рулем, и тогда он воображал, будто находится в космической капсуле. В кабине вокруг него валялись одежда, книги, бутылки с пивом, термосы с кофе, музыкальные кассеты и обрывки дорожных карт, из которых, как из деталей головоломки, приходилось складывать нечто целое, чтобы проверить, не сбился ли он с пути. К стенке кабины были приклеены фотографии, а на потолке лихо болтались словно ничего не весившие безделушки и сувениры. На соседнем сиденье застыл черный футляр с саксофоном — это была одна из тех немногих ве-

щей, которые Паркер сумел сохранить от своей прошлой жизни, и саксофон стал единственной его компанией в дальних поездках, хотя уже редко удавалось извлечь из него достойные звуки. Время от времени водитель менял позу и смотрел в боковое стекло, пытаясь уловить в бегущем рядом пейзаже едва заметные перемены, по которым можно было бы лишний раз убедиться, что пройден еще один километр, так как равнина окрасилась в новые тона, или за склон холма зацепилась тень уже другой тучи, или в высокой траве молнией метнулся какой-то зверь. Порой рядом появлялась стая нанду, весьма похожих на страусов, и долго неслась вдоль трассы, словно конвоируя грузовик, но потом скрывалась в густых зарослях кустарника. Паркер не столько ехал, сколько плыл и, когда дорога бежала прямо, позволял себе на несколько секунд закрыть глаза и положиться на интуицию, а затем и проверить, не утратил ли он внутреннего чувства пространства. При этом ему казалось, что слабый шум мотора вдруг сменялся сначала едва заметным пытением, а потом и вовсе угасал, наступала полная тишина, и только ветер что-то глухо нашептывал, скользя вдоль стенок кабины. Когда Паркера обволакивала подобная пустота, колеса мягко отрывались от асфальта, и он поднимался над пожелтелой равниной. Воздух сразу уплотнялся, возникало ощущение невесомости, а дорога при взгляде сверху казалась убегающей вдаль смазанной линией. По мере того как Паркер взлетал все выше и выше, небо становилось ослепительно-синим, а внизу вычерчивались русла пересохших рек — как глубокие шрамы на морщинистой поверхности планеты. Любые детали теряли резкость, прошлое затягивалось туманом, буду-

щее виделось в призрачном сиянии, и вокруг Паркера оставалось только летучее и невещественное настоящее, полное загадок, невнятных желаний и сладкой дремы, — что позволяло Паркеру словно в забытьи блуждать во времени и пространстве. В таком шатком состоянии он мог пребывать часами — будь то днем или ночью, — так как никакого твердого распорядка или графика его работа не предполагала: ему назначались лишь даты отбытия и прибытия в указанные пункты, и сроки зависели от не всегда предсказуемого расписания кораблей, ожидавших разгрузки и погрузки. Иногда, если особой спешки не было, Паркер позволял себе застрять где-нибудь на несколько дней, а в других случаях приходилось гнать и гнать, останавливаясь лишь по необходимости — чтобы заправиться или принять душ на какой-нибудь захудалой придорожной заправке.

Для Паркера как закат, так и восход могли означать, что пора устроить привал. Тогда он готовил свой воздушный корабль к посадке, сбавлял скорость и приглядывал на обочине шоссе подходящее место, по возможности ровное, без рытвин. Грузовик тяжело тормозил, поднимая тучи пыли. Водитель выпрыгивал из кабины с таким чувством, будто его ноги несколько месяцев не касались твердой почвы. Он осматривался по сторонам, проверяя, не ошибся ли с выбором площадки для стоянки и найдется ли рядом достаточно хвороста для костра. К его грузовику было приделано нечто вроде подъемника с поворотной стрелой, и это самодельное устройство помогало выгрузить то, что когда-то давно было частью дома Паркера. Из прицепа медленно выплывали деревянный стол, несколько стульев, потертый кожаный диван, старый холодиль-

ник, торшер, большой ковер, шкаф, кровать и тумбочка с ночником. Хватало часа, чтобы расставить на ковре мебель, — и получалась настоящая гостиная под опрокинутым над степью небом. С приближением сумерек стоянку Паркера можно было принять за макет города в миниатюре — так четко она вырисовывалась на фоне буйного багрянца облаков, а по ночам, благодаря электрическому освещению, соперничала с Млечным Путем. Безлюдную степь Паркер считал для себя не только предпочтительной средой обитания, но и своей последней родиной, которая только и осталась у него после того, как за минувшие годы он умудрился потерять столько других. А еще степь была единственным местом на свете, где Паркер чувствовал себя уютно, но главное — в полной безопасности. Здесь он испытывал настоящее счастье, и это давало ему ощущение внутренней эмиграции, оберегавшей от любых земных бед. Здесь, в окружении безмянных просторов, он порой устраивал себе долгий отдых.

Часто Паркеру приходилось намеренно удлинять свой маршрут, выбирая второстепенные трассы и кружные маршруты, так как они позволяли максимально растянуть состояние блаженства, в которое он погружался, пока добирался от пункта отправления до пункта назначения. Правда, любые задержки приводили в бешенство старика Констанцо, хозяина небольшой фирмы грузоперевозок, которая обслуживала огромные территории от Кордильер до морских портов. Паркер работал у него не столько из-за выгодных условий, сколько потому, что это было ему удобно. С Констанцо он познакомился в придорожной гостинице, где начиналась степь, протянувшаяся до самых фьордов Магелланова пролива и островов Огненной Земли. Паркер поки-

нул столицу, убегая от своего бурного прошлого, и надеялся, что здесь, на южном краю континента, прежние знакомые потеряют его след. Водитель маленького металлического фургона довез Паркера до мотеля, но там же и бросил вместе с его скудными пожитками, которые удалось спасти после последней жизненной катастрофы. Бросил по простой причине: у беглеца закончились деньги, то есть платить за транспортные услуги он больше не мог и поэтому в ожидании непонятно чего застрял в мотеле. А его вещи были кучей свалены прямо на краю дороги. Констанцо и Паркер, который искал способ добраться до юга, познакомились в ресторане. Хватило короткой беседы, чтобы старик, хорошо разбиравшийся в людях, понял, что может положиться на этого угрюмого, необщительного и опасливого типа. Поэтому он согласился забрать оттуда Паркера и дать ему работу — поначалу портового грузчика. Хозяин кормил его и платил кое-какие деньги, а также позволял жить в прицепе грузовика, за руль которого Паркер вскоре и сел. Констанцо чувствовал себя слишком старым и больным, чтобы продолжать работать на трассах, и уже через пару недель рискнул доверить машину новому знакомому, быстро убедившись в его честности и добросовестности. А для себя выбрал жизнь оседлую — ведь он ее вроде бы заслужил после долгих лет, проведенных в дорожных передрягах.

С Паркером старику безусловно повезло, так как тот не задавал лишних вопросов, трудился считай что даром и желал только одного: чтобы никто не совал нос в его личные дела. Первое время отношения между ними складывались ровно, без трений, но в последний год Констанцо пристрастился к игре и выпивке, а потому основательно забросил дела фирмы.

Паркер, в свою очередь, не слишком ему доверял, поскольку тот водился с контрабандистами и часто оказывал им услуги, помогая перевозить незаконные товары. Именно поэтому Констанцо требовал, чтобы Паркер выбирал второстепенные дороги — там за порядком присматривала только местная полиция, более стоворчивая и падкая на деньги, чем жандармы, которые хозяйничали в основном на главных трассах. Иногда Паркеру приходилось разгружаться и загружаться под покровом ночи у каких-то заброшенных складских помещений и возить загадочные ящики с якобы дешевым ширпотребом. Короче, он знал, что в любой момент может попасть в неприятную историю, и тем не менее наслаждался такой жизнью — полулегальной, рискованной, зато гарантировавшей ему анонимность. Он парил над привольными просторами — в них растворялось все его существо, а прошлое смешивалось с пылью и ветром. Паркер гнал грузовик по суровым дорогам, похожим на стрелы, запущенные в степь, и делал остановки в нищих деревушках, чтобы запастись едой и бензином, словно и сам тоже готовился уйти в море из какой-нибудь забытой богом гавани. Он успевал переброситься парой-тройкой слов разве что с заправщиком на станции и снова пускался в путь. А потом целыми днями разговаривал сам с собой, слушал музыку или изобретал для себя нехитрые развлечения, помогавшие заглушить скуку. Любимой его забавой стало своего рода лото: он записывал на картонные карточки номера всех встречных машин, и заниматься этим можно было долго, не одну неделю, так как за сутки ему порой попадалось их всего две или три.

Проведя в здешних глухих краях несколько лет, Паркер научился различать даже легкие перемены

в пейзаже. Иногда достаточно было одного поворота — и чуть иным становился цвет почвы, а стоило спуститься по склону вниз — и кусты уже тянули ветки в другую сторону, потому что здесь в другую сторону дул ветер. Иногда появлялись новые растения, как это случилось, скажем, и сейчас: словно подчиняясь капризу природы, вдоль дороги вырос желтоватый колючий кустарник, какого он не видел никогда прежде. “Езжай все время прямо, вон туда, в четверг поверни налево, ближе к ночи — снова налево, и тогда рано или поздно пренебреженно окажешься у самого моря”, — объяснили ему дорожные рабочие, но наступила пятница, солнце уже садилось за тучи, а дорога бежала только вперед. Жаркий закатный свет удлинял тень грузовика, но не было видно ни одной развилки, ни одного намека на возможность куда-то свернуть, как и ничего, что обещало бы близость океана. Откинувшись на спинку сиденья, не отрывая взгляда от асфальтовой ленты, Паркер сунул в рот сигарету, глубоко затянулся и стал наблюдать за уходящим солнцем. Пальцы его отбивали на руле ритм звучавшей в кабине мелодии, и он тихо запел с полужакрытыми глазами. К дороге выбежало стадо диких гуанако с детенышами, и пришлось резко сбавить скорость. Они двигались, грациозно вытянув шею, и время от времени застывали на каком-нибудь холмике, чтобы с любопытством посмотреть на чужака, посягнувшего на их владения, а потом со старомодным изяществом перепрыгивали через натянутую вдоль дороги проволочную сетку и мчались дальше, пропадая вдаль. Паркер ехал совсем медленно и провожал взглядом стадо со смесью удовольствия и тревоги, так как слишком хорошо знал, что произойдет, если какой-нибудь неопытный юный гуанако плохо рассчитает свой

прыжок. Последствия ему доводилось видеть десятки раз. Вот и теперь один из таких приготовился прыгнуть, но выбрал не самое удачное место для толчка, правда, в самый последний миг вроде бы осознал собственную оплошность и резко притормозил. Потом растерянно отступил назад и снова взял разбег. Паркер понял, что вот-вот случится непоправимое, и закрыл глаза. Гуанако рванул вверх, и передняя часть его тела одолела преграду, а вот задние ноги зацепились за проволоку, так что острое столба, на котором она крепилась, проткнуло ему бедро — животное повисло на нем как тряпичная кукла. Гуанако старался освободиться, трепыхался и бил копытами в воздухе. Паркер остановился неподалеку, но мало чем мог ему помочь: теперь несчастному грозила медленная многочасовая агония. Скоро над ним начнут кружить стервятники, опускаясь все ниже и ниже, пока не настанет время устроить пир. На защитном ограждении сохранилось много скелетов и шкур, вычищенных изнутри птицами и лисами, а снаружи выдубленных нещадным солнцем Патагонии. В самый последний миг, резко дернувшись, гуанако все же сумел соскочить с ограда и оказался по ту ее сторону, чтобы как ни в чем не бывало помчаться следом за стадом. Паркер с облегчением вздохнул, посчитал такой финал хорошей приметой и двинулся дальше, но уже очень скоро настроение его испортилось: разреженный предвечерний свет и неизбежный набег ночи отзывались в душе тоской, которая растекалась по всему телу и от которой все внутри сжималось. Линия горизонта, еще недавно сулившая безмерные пространства и таившая за собой такие же безмерные надежды, теперь выгнулась дугой, словно повторяя кривизну планеты. Именно таким образом в этих широтах подкра-

дывался к земле вечер. Дым от сигареты немного покружил по кабине и быстро вылетел в окно. Паркер раздумывал над причинами сбоя в своем настроении, вина в нем то ли вечерний час, то ли слишком медленную музыку, то ли собственную эмоциональную неустойчивость... Впрочем, ответ он прекрасно знал, однако изменить ничего не мог, поскольку стрелки его внутренних часов были накрепко вставлены именно в такой космический циферблат и сам Паркер был прикован именно к такому настоящему и к такой земле. Единственным доступным ему средством сейчас была смена музыки. За часы, дни и километры, проведенные на трассах, он усвоил, что никакие попытки выровнять такие перепады душевного состояния добром не кончаются. Поэтому просто протянул руку и не глядя стал нащупывать в беспорядочной куче вещей какую-нибудь кассету. А выбор доверил случаю. Надпись на кассете разобрать было уже трудно — оставалось дожидаться, пока зазвучат первые аккорды. Музыка поплыла по кабине, мысли водителя стали обретать относительную стройность, и внутри у него что-то оживилось. Некая забытая радость, которая до поры до времени пряталась в тайных закоулках памяти, смягчила его взгляд, а потом она же, слившись с мелодией, помогла избавиться от острого штыря, державшего Паркера пленником на том самом циферблате времени и пространства. Такие необъяснимые светлые мгновения служили потайной дверцей, ведущей к чему-то похожему на счастье. Он улыбнулся, почти приструнив свою хандру, которая самовольно накатывала в те предательские часы, когда остатки дневного света убегали, покорно уступая равнину ночному мраку. Очень скоро Паркер почувствует себя лучше, а потом — и совсем хорошо. Этот миг был

межевым знаком — или складкой, или трещиной — на ледяной поверхности времени. Перемену требовалось отпраздновать, то есть чего-нибудь хлебнуть. Паркер достал из походного холодильника бутылку пива, но как только вооружился открывалкой, прикрепленной к приборной доске, раздался мерзкий скрип, от которого его передернуло. С музыкой что-то случилось. Он резко выкрутил руль, на что грузовик отреагировал прыжком в сторону. Потом швырнул сигарету в окно и собрался извлечь кассету, но пленка запуталась где-то внутри и теперь свисала из щели дурацкими петлями. Он легонько потянул за нее — она тотчас обмоталась у него вокруг пальцев, но все же поддалась. Пришлось подкрутить ее карандашом. Снова полилась мелодия — чистая и прозрачная, однако вскоре снова захлебнулась, теперь уже с предсмертным стоном. Что означало непоправимую катастрофу. Паркер чуть слышно ругнулся и бросил распотрошенную кассету в окно. В считанные секунды ветер украсил коричневой лентой придорожные кусты, но и настроение Паркера тоже ключьями повисло на одном из кустов, правда, на том, что рос где-то у него внутри, и до конца дня не было никакой возможности навести в душе порядок.

Так и текло время Паркера — уязвимое для каких угодно неожиданностей. Он был бы и рад поверить в существование озорного дорожного бесенка, который притаился в степи и только дожидался случая, чтобы дерзко поиграть с ним, но на такую веру Паркер, к сожалению, не был способен, хотя и пытался слеповжиться в мифы и легенды, рассыпанные по дорогам Патагонии, принять — а главное перенять — здешний магический и наивный взгляд на мир как форму слияния с землей. Ему мешал собственный закорене-

лый и непрошибаемый рационализм. Во время встреч с местными жителями он слышал про фантастические существа и явления, с которыми они якобы жили бок о бок. Им эти выдумки помогали хотя бы отчасти расцветить скудную и суровую природу. Легенды рождались ночами у костров на обочинах дорог — под гитарные переборы, пение и выпивку. Так узнал Паркер истории про живших в солончаках каннибалов-тринитариев, про загадочные подводные лодки, которые иногда появлялись у берегов Атлантики, и про устроенные в горных кратерах базы космических кораблей, а также про призраков, обитавших в заброшенных шахтах. Однако, проведя много ночей за рулем и разъезжая по самым пустынным местам, он так ни разу и не встретил ни призраков, ни инопланетян, ни каннибалов, а потому с недоверием относился к подобным сказкам.

Из всего вышеназванного больше всего Паркера привлекали легенды про тринитариев, про то, как во времена завоевания Америки некий испанский галеон попал в шторм и потерпел крушение у здешних берегов. Немногих выживших съели индейцы — но не по злобности своей, а только чтобы утолить голод. И с тех самых пор на потомстве тех дикарей лежало жестокое проклятье: все их отпрыски лицом напоминали астурийцев либо эстремадурцев, то есть выходцев из Испании, и часто включали в свою речь непонятные слова, произнося их с акцентом, в котором знатоки могли уловить отзвуки старинного испанского языка. Кроме того, их вдруг одолевали воспоминания об Иберийском полуострове, его обычаях и традициях. Они, например, предпочитали тамошние блюда, танцевали танцы и пели песни, прежде неведомые местным племенам. Но главным было другое — они испытывали

тоску по далекой стране, где родились люди, съеденные их предками. Согласно легендам, сами индейцы считали все эти странности божьим наказанием и, опасаясь распространения заразы, стали держать соплеменников, одержимых загадочным недугом, в темных глубинах горных шахт, хотя кое-кто утверждал иное: будто всех “неправильных” сородичей они изгоняли не туда, а в белые солончаковые пустыни. За прошедшие века мало кто из тех испанцев, перевоплотившихся в индейцев, — или индейцев, в которых вселились души испанцев, — выжил и приспособился к новым условиям. Многие умерли от голода и болезней, но до самой смерти сохраняли любовь к человеческому мясу.

Итак, в ту ночь в кабине Паркера больше не было музыки, хотя непонятно, чьи это были козни, и он решил побеседовать сам с собой, чтобы услышать хотя бы собственный голос после многих дней, когда ему не довелось ни с кем перекинуться ни словом. Такой разговор давал ощущение, будто рядом кто-то есть, будто в кабине неожиданно появился старинный друг или даже друг детства. Поначалу Паркеру было просто подбирать подходящие темы для беседы, но постепенно, войдя во вкус, он стал произносить не только отдельные и случайные слова, но и связные фразы, а позднее и долгие монологи. Как ни странно, пение или разговор с самим собой оказались еще и отличным способом рефлексии, давая ни с чем не сравнимую возможность выплеснуть наружу все, что скопилось на душе. Правда, в тот раз Паркер был не слишком расположен к монологам и после двух-трех безуспешных попыток предпочел пение. Он закрыл глаза, чтобы окинуть мысленным взором весь свой песенный репертуар и выбрать что-нибудь более соответствующее ны-

нешнему настроению. Ему на ум приходили самые разные ритмы и мелодии — от тех, что пелись еще в школе, до тех, что составляли музыкальный фон уже взрослых лет, но все они были либо слишком печальными, либо в них можно было обнаружить дурные предвестия. И тогда Паркер решил воспользоваться радио, которое только для подобных случаев, собственно, и существовало. Аппарат сам начал искать сносную станцию из тех немногих, которые здесь ловились. Сначала раздался писк на длинных и коротких волнах, отвоевавших себе место в эфире, потом прорезался металлический треск, но и он то и дело обрывался, словно натываясь на новые и новые помехи. Разозлившись, Паркер решил, что виной нынешних бед и срывов — от дурного настроения до непокорного радио — были придорожные кусты, как если бы к их колючкам намертво прилипли все напасти вместе с обрывками бумаги и пластиковыми пакетами, принесенными ветром. Паркер ненавидел эти густые заросли, считал их обманчивыми и коварными и, хотя отказывался верить в проказливых дорожных дьяволят, никогда не сомневался в предательской зловредности местных сухоруких кустов. Поэтому ночами с кровожадным удовольствием старался сжечь их как можно больше на огромных кострах, которые осыпали ночную темень трескучими брызгами.

Потерпев неудачи во всех развлекательных попытках по очереди, Паркер решил найти применение своим техническим навыкам и, зажав руль между колен, по пояс высунулся в окно и соединил радио с антенной на крыше кабины. Аппарат смолк, а потом сразу же послышались голоса — целый хор разрозненных голосов, обсуждавших последние гороскопы или пользу от веры в Бога. Люди обменивались привет-